

Н. КОЛОСОВ

Об исповедании В. С. Соловьева

(Письмо к издателю)

М. Г.! Ввиду напечатанного в «Русском слове» рассказа бывшего священника Н. Толстого¹ о том, как он причастил покойного русского философа Владимира Сергеевича Соловьева по униатскому обряду, не откажите поместить в «Московских ведомостях» рассказ православного русского священника о том, как он исповедал и причастил Владимира Сергеевича перед смертью. Священник этот, С. А. Беляев, в настоящее время состоит при Московской Сокольнической больнице, а во время предсмертной болезни и смерти Владимира Сергеевича был священником в селе Узкое Московского уезда, где находится имение князя П. Н. Трубецкого, и может подтвердить помещаемый рассказ. Вот что рассказывает он: «Лето 1900 года князь П. Н. Трубецкой не жил в Узком, а жил там покойный брат его, Сергей Николаевич, впоследствии ректор Московского университета, друг Влад. Серг. Соловьева. Сюда к нему и приехал в июле погостить Владимир Сергеевич, уже больной. Еще только что выехав из Москвы, за Калужской заставой, Влад. Серг. почувствовал себя дурно и хотел было вернуться назад, в Москву, но передумал и поехал в Узкое; но, приехав туда, в тот же день, по совету врача, слег в постель, с которой уже не встал. И вот как-то вечером приходит ко мне человек Трубецких с просьбой от Сергея Николаевича отслужить на другой день литургию и после нее прийти причастить обеденными Дарами * (личное желание Влад. Серг.) приехавшего из Москвы больного барина. На другой день, в конце утрени, пришла нянька Трубецких — с просьбой исповедовать больного

* Т. е. освященными на только что отслуженной литургии.

до обедни (при этом она назвала и имя больного — Владимир, а кто он, она не знала). Отслужив утреню, я отправился в дом Трубецких. В передней встретил меня сам князь Сергей Николаевич и, повторив просьбу больного, спросил меня: знаю ли я его? Я ответил, что не знаю. Вслед за этим князь ввел меня в кабинет, где лежал на диване Влад. Сергеевич, и познакомил с ним (помню, между прочим, что волосы у Влад. Серг. были острижены). Исповедался Влад. Серг. с истинно христианским смирением (исповедь продолжалась не менее получаса) и, между прочим, сказал, что не был на исповеди уже года три, так как, исповедавшись последний раз (в Москве или Петербурге — не помню), поспорил с духовником по догматическому вопросу (по какому именно, Влад. Серг. не сказал) и не был допущен им до Св. Причастия². — “Священник был прав, — прибавил Влад. Серг., — а поспорил я с ним единственно по горячности и гордости; после этого мы переписывались с ним по этому вопросу, но я не хотел уступить, хотя и хорошо сознавал свою неправоту; теперь я вполне сознаю свое заблуждение и чистосердечно каюсь в нем”. — Когда кончилась исповедь, я спросил Влад. Серг., не припомнит ли он еще каких-нибудь грехов.

— Я подумаю и постараюсь припомнить, — отвечал он.

Я предложил ему подумать, а сам стал было собираться идти служить литургию, но он остановил меня и попросил прочитать ему разрешительную молитву, так как боялся впасть в беспамятство. Я прочитал над ним разрешительную молитву и пошел в церковь служить обедню. Отслужив обедню, я с обеденными Св. Дарами пришел снова к Влад. Серг. и спросил его: не припомнит ли он за собой еще какого-либо греха?

— Нет, батюшка, — ответил он. — Я молился о своих грехах и просил у Бога прощения в них, но нового ничего не припомнил.

Тогда я причастил его Св. Таин. При этом присутствовали князь Сергей Николаевич и супруга его Прасковья Владимировна. В этот же день Влад. Серг. впал в беспамятство и до самой кончины не приходил в себя.

Между прочим, помню, что князь Сергей Николаевич в разговоре со мной энергически опровергал молву, будто Влад. Серг. был алкоголик. Помню еще, что сам Влад. Серг. говорил мне, что его считают вегетарианцем — на том основании, что он не ест мяса, но что хотя он и на самом деле не ест мяса, но только отнюдь не потому, что придерживается вегетарианства.

Когда прах Влад. Сергеевича был опущен в могилу, я, простившись с кн. С. Н., вышел за ворота монастыря и взял первого попавшегося извозчика. Извозчик спросил меня, кого это хоро-

нили? — Я ответил, что хоронили одного известного русского ученого и писателя.

— Уж не Владимира ли Сергеевича Соловьева?

Я ответил, что его, и при этом спросил извозчика: почему он его знает? Извозчик отвечал, что он всегда стоит на том месте, где Влад. Серг. останавливался по приезде в Москву, т. е. у квартиры его матери.

— И как узнаешь, бывало, что приехал Влад. Серг., так и поджидаешь его всегда у подъезда, и как он только выйдет, спрашиваешь: куда ехать? А о цене не говоришь, потому что он сам платил всегда больше, чем следовало. Добрый был барин: таких ныне мало. Если увидит нищего, сейчас тебя остановит и слезет подать милостыню».

*Свящ. Н. Колосов.
25 октября 1910 г.*

